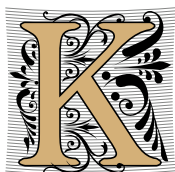

Исторический вестник. 2024. Т. L.
DOI: 10.35549/HR.2024.2024.50.005

А.Х. Хизриев, Ф.Х. Базаева

БРИТАНО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ В РАМКАХ МАНДАТНОЙ СИСТЕМЫ В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

к началу Первой мировой войны территории современных Сирии, Ливана, Палестины и Иордании, известные тогда в мусульманском мире под арабским названием «Шам», а в Европе именовавшиеся словом французского происхождения «Левант», являлись частью Османской империи. Эти земли делились на Дамасский, Хalebский и Бейрутский вилайеты, Ливанский и Иерусалимский санджаки. Когда в октябре 1918 г. в результате антиосманского восстания и поражения в войне турки ушли из этого региона, эти территории немедленно были заняты британскими войсками. Вслед за ними приморские районы Сирии заняли французские силы. Обе стороны заявляли о временном характере оккупации бывших османских владений. Однако по итогам Парижской мирной конференции 1919 г. и конференции 1920 г. в Сан-Ремо было принято решение о передаче мандата Великобритании на Ирак и Палестину, а Франции — на Сирию и Ливан. При этом абсолютная власть над этими территориями перешла к верховным комиссарам, представлявшим оккупационные режимы.

Будучи главными победителями в Первой мировой войне и ее выгодоприобретателями, Лондон и Париж никоим образом не намере-

вались мириться с меняющейся геополитической обстановкой. Цепляясь за свои колониальные владения, обе страны старались включить их в орбиту своего не только политического, но и культурного влияния. При этом языковые и культурные средства, с помощью которых Франция сохраняла значительное влияние на Ближнем Востоке, долгое время игнорировались англичанами. Что касается Франции, то там уделяли первоочередное внимание культурной дипломатии. В Лондоне начали осознавать верность такого подхода только в конце 1930-х гг., когда председателем «Британского совета» стал лорд Ллойд, значительно расширивший его деятельность, а культурная дипломатия была признана важнейшим инструментом британской внешней политики¹.

Согласно такому утверждению считалось, что в то время как французы стремились продвигать идеалистические и благородные ценности за границей, британцы были озабочены только своими экономическими и финансовыми интересами². При таком идеализированном видении французского присутствия на Ближнем Востоке не упоминается тот факт, что французы, как и британцы, имели значительные экономические интересы в этом регионе. Более того, французы также были политически вовлечены в дела Османской империи через систему капитуляций, и значительную роль в этом играли их консулы. В своей знаменитой книге о восточном вопросе Арнольд Тойнби объяснил, что сети консульств, посольств, религиозных миссий и школ составляли центр власти как для Великобритании, так и для Франции и играли центральную роль в соперничестве между двумя странами в Османской империи до Первой мировой войны³.

Утверждение о том, что влияние Франции лучше всего измеряется враждебностью ее соперников, показывает, что европейские империи оценивали свою силу и влияние, сравнивая себя со своими конкурентами. Действительно, стоит помнить, что имперские чиновники и эксперты разных стран наблюдали и сравнивали стратегии друг друга. Они также взаимодействовали на регулярной основе, иногда соперничая

¹ Cloarec V. «La France du Levant ou la spécificité impériale française au début du XXe siècle». *Revue française d'histoire d'outre-mer*, tome 83, no. 313, 4e trimestre, 1996. P. 3–32.

² Yakoubi M. *The French, the British and their Middle Eastern Mandates (1918–1939): Two Political Strategies* // Open Edition Journals. — <https://journals.openedition.org/rfcb/8787#bodyftn4>.

³ Toynbee A. *The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilisations*. L.: Constable, 1922. P. 45.

друг с другом, а иногда сотрудничая. Совместная англо-французская экспансия на Ближнем Востоке в межвоенные годы является показательным примером. В своей недавней работе об имперской риторике в Британии и Франции Мартин Томас и Ричард Той сосредоточили внимание на Ближнем Востоке, поскольку именно в этом регионе с конца XIX в. до 1956 г. наблюдалась самая высокая напряженность в отношениях между двумя странами. Французская и Британская колониальные империи стали соприкасаться на Ближнем Востоке. Такому взаимодействию историки дали определение «коимпериализм», что, по их мнению, означало совместный проект между несколькими империалистическими державами, включая отправку специалистов в эти страны, использовавших свой прежний опыт работы в различных ведомствах, связанных с деятельностью в колониальных владениях⁴.

Кроме того, Великобритании и Франции пришлось сотрудничать, чтобы очертить новые границы или справиться с растущим национально-освободительным движением в регионе. Мандат Лиги Наций предполагал управление бывшими арабскими владениями побежденной Османской империи с перспективой их превращения в современные национальные государства. При распределении подмандатных территорий не учитывалось то, что Трансиордания и Палестина были первое время частью одного и того же мандата, однако в 1923 г. британцы официально признали Трансиорданию автономной территорией, которая управлялась отдельно. Более того, британская политика создания еврейского национального очага в Палестине никогда не применялась в Трансиордании. Только в 1949 г., после интеграции Западного берега по итогам первой арабо-израильской войны 1948–1949 гг., страна официально стала называться Иорданией⁵.

Таким образом, цель этой статьи состоит в том, чтобы изучить французский и британский взгляды на их способность управлять своими подмандатными территориями, в частности — Сирией и Ливаном для французов, Ираком и Трансиорданией — для британцев. Предполагается изучить эти отношения в период между двумя мировыми войнами, когда Лондон и Париж пришли к соглашению о том, как делить военные трофеи на Ближнем Востоке. Сначала следует остановиться на специфике британских и французских интересов и стратегий на Ближнем

⁴ Thomas M., Toye R. *Arguing about Empire, Imperial Rhetoric in Britain and France, 1882–1956*. Oxford, Oxford University Press, 2017. P. 10.

⁵ Yakoubi M. *Op. cit.*

Востоке, а затем проанализировать взаимные подозрения, действующие в дискурсах людей на месте. Наконец, в статье будет показано, что франко-британские отношения в этом регионе также подразумевали не только соперничество, но и сотрудничество.

Во время войны, несмотря на то что британцы отправили на Ближний Восток больше войск, чем французы, обе страны вместе сражались против османов, сначала во время кампании Галлиполи в апреле 1915 г., а затем во время арабского антиосманского восстания в 1916 г. В том же году Великобритания и Франция пришли к соглашению о разделе арабских провинций Османской империи, тем самым предвосхитив ее поражение. Однако так называемые соглашения Сайкса-Пико, в соответствии с которыми Палестина должна была стать международной зоной — фактически франко-британским кондоминиумом, были быстро поставлены под сомнение британцами, которые были полны решимости держать французов как можно дальше от Египта и Суэцкого канала, насколько это возможно. Декларация Бальфура 1917 г., в которой британское правительство обязалось поддержать создание еврейского национального очага в Палестине, была для британцев способом нарушить свое соглашение с французами. И в преддверии Парижской мирной конференции 1919 г. последние пошли на несколько уступок на Ближнем Востоке. Помимо политического и культурного влияния, которое они уже имели в Леванте, они также претендовали на эту сирийскую территорию во имя своей давней защиты католических меньшинств в Леванте. Однако действовала и экономическая логика, поскольку французы непреклонно стремились контролировать территории, на которых были сосредоточены их инвестиции в железные дороги, порты и другие отрасли. Наконец, для французов официальное присутствие в Леванте также было способом повысить свой престиж в своих североафриканских колониях. Когда-то Сирия была бывшей резиденцией Омейядского халифата, а в XIX в. страна была центром арабского культурного возрождения. Интегрируя Сирию в состав своей империи, Франция стремилась укрепить то, что она называла своей мусульманской политикой.

Стратегия французов по управлению своим мандатом в Сирии заключалась в разделении территории по этническому и религиозному признаку. В результате возникло пять отдельных политических образований: два государства, базировавшиеся вокруг Дамаска и Алеппо, так называемый «Великий Ливан» с его христианским большинством, Латакия или Государство Алавитов, где в основном проживали представи-

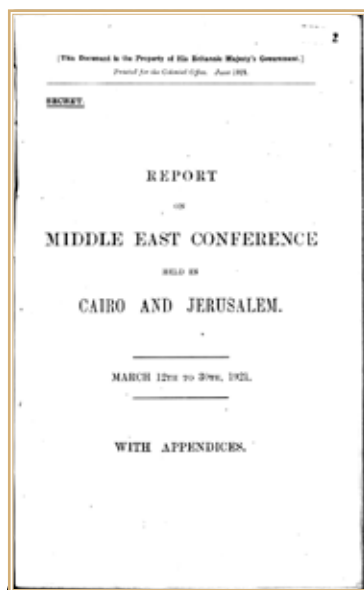

Участники Каирской конференции 1921 г.

тели шиитской секты алавитов, и Джебель-Друз в Южной Сирии, где практиковалась традиционная форма шиитского ислама, характерная для этого региона. Французы считали, что общины меньшинств необходимо защищать и превращать в союзников, и эта стратегия была наследием неформального влияния, которое они оказывали в регионе до падения Османской империи. Однако стратегия «разделяй и властвуй» одновременно подпитывала сирийский национализм, который французы постоянно недооценивали во время мандата, приписывая его непредставительной городской элите с западным образованием. Французы также были убеждены, что любая форма политической оппозиции, с которой они столкнулись, поощрялась британскими интригами⁶.

Французское правление на подмандатных владениях было довольно прямым и авторитарным. Правительство было сильно централизовано вокруг офиса Верховного комиссара, расположенного в Бейруте. Были также делегаты, контролирующие местные правительства коренных народов, и французские советники в различных министерствах. Более того, имелось значительное французское военное присутствие из-за конфликта с кемалистскими силами в районе Киликии, а также для умиротворения районов, в которых были попытки сопротивления французскому правлению. Французы продвигали местную политиче-

⁶ The National Archives, United Kingdom. «Report on Middle East Conference». CAB 24/122, March 12th to 30th 1921.

Обложка материалов Каирской конференции 1921 г.

скую автономию, прибегая к форме централизованного управления, когда дело касалось бюджета и экономики мандата в целом. Однако эффективному управлению мешало то, что подмандатные территории Восточного Средиземноморья были изолированы от французских владений в Северной Африке с географической точки зрения, и между ними не было общих границ.

Британцы, напротив, уже контролировали несколько частей Ближнего Востока, когда им были предоставлены мандаты в этом регионе. Они оккупировали Египет еще в 1882 г., поскольку контроль над Суэцким каналом был жизненно важен для доступа в Индию. Как подтверждают донесения дипломатических представителей США на Ближнем Востоке, внимательно изучавших опыт англичан в данном регионе, последние также были в дружеских отношениях с большей частью шейхов Аравийского полуострова и эмирами зоны Персидского залива⁷.

В 1921 г. министр по делам колоний Уинстон Черчилль созвал в Каире конференцию для создания новой британской империи на Ближнем Востоке. Из-за необходимости сократить расходы и приспособиться к новому международному принципу самоопределения народов Черчилль решил положиться на арабских союзников Лон-

⁷ U.S. National Archives Records Administration (NARA). Microcopy No 722. Roll 7. Records of the Department of State relating to Internal Affairs in Asia, 1910–1929. British Policy in Arabia. With the Resident of Aden. No 61. P. 1–3.

Шериф Мекки Хусейн

дона — Хашимитов, восставших во время Первой мировой войны против османов при поддержке англичан и французов. Как известно, глава семейства и шериф Мекки Хусейн рассчитывал, пытаясь договориться с англичанами, получить после войны в награду большое независимое арабское государство в рамках «Великой Сирии», охватывающей страны так называемого «Благодатного полумесяца»⁸. Хотя это оказалось невозможным в свете британских и французских амбиций в регионе, двое сыновей Хусейна сыграли заметную роль после войны. Однако Фейсал, создавший арабскую администрацию в Дамаске в конце войны, был в итоге свергнут французами в 1920 г. после того, как конференция в Сан-Ремо предоставила Франции мандат в Сирии. В конце марта брат Фейсала эмир Абдалла был приглашен У. Черчиллем в Иерусалим⁹.

В какой-то момент в Уайтхолле посчитали, что совершили ошибку, поддержав Хашимитов в их притязаниях на лидерство в арабском мире, оказав их заклятым врагам — Саудитам — военно-техническую помощь, благодаря которой те захватили большую часть Аравийского полуострова¹⁰. Как итог, в ходе состоявшихся переговоров английская сторона

⁸ Магомеддадаев А.М., Дадаев Ю.У., Саидова М.З. Очерки по истории политической культуры Ближнего и Среднего Востока. Учебное пособие. М., 2011. С. 178.

⁹ Роган Ю. Арабы. История. XVI—XXI вв. М.: Альпина Диджитал, 2009. С. 162.

¹⁰ Уолд Э.Р. Saudi Inc. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 26.

Уинстон Черчилль в Иерусалиме. 1920 г.

выступила категорически против притязаний Хашимитов на Палестину и Сирию. Однако Лондон все же решил взамен этого предложить Фейсалу стать королем Ирака, а Абдалле — правителем Трансиордании, которая изначально задумывалась британцами как буферное государство между Палестиной и Аравийским полуостровом¹¹.

Таким образом, французы в Сирии оказались в окружении управляемых британцами Палестины и хашимитских монархий в Хиджазе и Трансиордании. Решение полагаться на арабских политических деятелей для контроля над своими мандатами вызвало острое недовольство французов, поскольку такая политика британцев могла провоцировать антифранцузские настроения в подконтрольных им территориях. Генерал Гуро — первый французский верховный комиссар — предупредил Черчилля, что Фейсал, как и Франкенштейн, будучи британской креатурой, в конечном итоге обратится против своих хозяев, используя против них националистические идеи¹².

Мандаты Лиги Наций в этом регионе имели разнонаправленные характеристики. Первый взгляд на стратегии, которые Лондон и Париж применяли для управления своими подмандатными территориями, позволяет предположить, что они были полными противоположностями

¹¹ Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985 (отв. ред. В.В. Наумкин). М.: Наука, 1988. С. 160.

¹² «Report on Middle East Conference», CAB 24/122. March 12th to 30th 1921. The National Archives, United Kingdom.

Генерал Анри Жозеф Эжен Гуро

друг другу: либеральная британская модель, основанная на косвенном управлении, и довольно жесткая французская модель, основанная на прямом контроле. Официальные лица с обеих сторон часто называли эти две разные схемы типичными для двух держав. Однако при сравнительном подходе к этим двум стратегиям выявляются не только отличия, но и общие характеристики. Например, Палестиной британцы правили напрямую в течение почти тридцати лет из-за необходимости балансировать между арабами и евреями, тогда как в Сирии французы со временем все больше стали полагаться на местные элиты — стратегия, которая годами практиковалась в Марокко.

Не следует забывать, что соперничество между Великобританией и Францией на Ближнем Востоке предшествовало переговорам, имевшим место во время Первой мировой войны, и сформировало представления друг о друге с обеих сторон. После этого конфликта, когда Россия, Италия и Германия потеряли свое влияние в регионе, и до момента, когда международная конкуренция возобновилась с началом холодной войны, на Ближнем Востоке определенное время все еще присутствовала видимость британской гегемонии. Французы, сознавая, что их присутствие в Сирии и Ливане препятствует полному контролю над регионом со стороны англичан, часто подозревали последних в стремлении использовать против них арабский национализм. Как оказалось, арабский национализм в ближайшем будущем нанесет ущерб как французским, так и британским интересам; при этом в Париже опасались, что

Гертруда Белл

такая тенденция может распространиться и на французские колонии в Северной Африке.

Между тем в Лондоне были уверены, что установление монархий в Ираке и Трансиордании с местными арабскими правителями было правильным способом управления их ближневосточными мандатами. Они считали, что эта форма непрямого правления успокоит националистов и придаст большую легитимность новым политическим образованиям. Некоторые из британских официальных лиц были убеждены, что арабский национализм и британские интересы вполне могут ужиться. Например, Гертруда Белл, которая в качестве министра по вопросам Востока являлась очень близким советником Перси Кокса, британского верховного комиссара в Ираке, твердо верила в идеальное англо-арабское партнерство, считая, что не прямое правление работает лучше всего в отношениях между британскими официальными лицами и арабскими политическими деятелями¹³.

Можно с уверенностью заявлять, что такая система управления, заложенная еще во время «завуалированного протектората» в Египте в 1882–1914 гг.¹⁴, позволила заложить основы для сохранения гегемонии западных стран на Востоке после крушения колониальной системы во

¹³ *Yakoubi M. Op. cit.*

¹⁴ *Хизриев А.Х. Проблемы определения статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 г. // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. Ист. 2016. № 1 (37). С. 31.*

Перси Кокс

второй половине XX в. Сегодня такую систему большинством историков и политологов принято называть неокOLONиализмом.

Все вышеизложенное подтверждает уверенность британцев в том, что они обладают особой способностью понимать и, следовательно, управлять «туземцами», в то время как французы сосредоточились только на прямом эффективном управлении территориями, пренебрегая при этом личными отношениями с местной элитой. Однако со временем выяснилось, что и британский подход к мандатной системе не оправдал себя. В 1920 г., после объявления британского мандата в Ираке, вспыхнуло племенное восстание, которое распространилось на всю страну, прежде чем было жестоко подавлено британцами.

Поворотным моментом в истории мандатной системы на Ближнем Востоке стало восстание друзов в Сирии в 1925 г. Несмотря на напряженность между местными общинами в Джебель-Друзе и французским губернатором, Верховный комиссар генерал Саррайль отказался встретиться с делегацией представителей, которые хотели выразить свое недовольство. Затем последовало восстание, сначала в Джебель-Друзе, позже перекинувшееся на Дамаск, где националисты поддержали восстание. Французы впервые подвергли бомбардировке сирийскую столицу в октябре 1925 г., после чего им понадобилось больше года, чтобы навести порядок в стране. Этот эпизод вызвал недоверие французов к британцам, которых они подо-

Генерал Морис Саррайль

зревали в финансировании и подстрекательстве друзей против французской администрации¹⁵.

Тем временем в 1932 г. британцы предоставили Ираку формальную независимость, и страна вступила в Лигу Наций. Однако за два года до этого они заключили договор с премьер-министром Ирака, близким союзником Великобритании, который защищал их политические, экономические и стратегические интересы. Первоначально этот акт рассматривался французами как угроза стабильности их присутствия в Сирии, так как сирийские националисты максимально использовали иракский пример в качестве аргумента в своих переговорах с французами, даже если они знали, что условия англо-иракского договора значительно ограничивают суверенитет Ирака. В 1936 г. англичане также заключили новый договор с Египтом, предоставив тому большую автономию и обязавшись вывести свои войска из страны, за исключением зоны Суэцкого канала. В этот же год началось палестинское восстание, продлившееся до 1939 г. Эти события вынудили французские власти в Сирии последовать в русле британской стратегии и заключить договор для умиротворения сирийских националистов. В Париже пришедшее к власти правительство Народного фронта Леона Блюма также намеревалось провести реформы и организовать переговоры с националистами. В конце 1936 г. условия

¹⁵ Barr J. *A Line in the Sand. The Anglo-French Struggle for the Middle East, 1914–1948*. NY: Norton & Company, 2011. P. 142.

франко-сирийского договора были подписаны по тем же принципам, что и договор между Великобританией и Ираком. Независимость и единство Сирии, на которые претендовали националисты, были удовлетворены. Также был подписан отдельный договор между Францией и Ливаном. Однако эти договоры встретили сопротивление военных и католических кругов, которые выступали против ратификации договора французским парламентом, утверждая, что договоры не защищают религиозные меньшинства. На этот раз британская политика в Ираке послужила примером для подражания. Действительно, вскоре после формального обретения Ираком независимости ассирийские христиане подверглись массовым гонениям со стороны иракских властей. Сенат Франции чутко отнесся к таким событиям и отказался ратифицировать договоры¹⁶.

Таким образом, становится очевидным, что две совершенно разные стратегии — французов и британцев — на Ближнем Востоке развивались и могли черпать вдохновение друг у друга. Более того, несмотря на взаимную подозрительность, обе державы вынуждены были сотрудничать друг с другом по ряду вопросов¹⁷.

Пограничные вопросы также были особенно чувствительными, поскольку в Сирии, Ираке и Трансиордании проживало кочевое население, на жизнь которого повлияло установление новых границ на Ближнем Востоке. Начиная с середины 1920-х гг. и англичане, и французы подписывали соглашения об условиях, по которым кочевое население, теперь определяемое как исключительно сирийское или трансйорданское, могло пересекать границы новообразованных государств. В этих соглашениях официально признавались решения, которые впервые были найдены местными офицерами, членами французского пограничного контроля и их британскими коллегами, отвечавшими за межплеменные споры в пустынных районах, в том числе из-за украденного скота. Обе колониальные державы значительно нарушали образ жизни местного кочевого населения, прибегая то к насилию, то к субсидиям или покровительству, чтобы подчинить их¹⁸.

¹⁶ Houot C. «Securing the Empire after the First World War. Local and Imperial Armed Forces in France's and Great-Britain's Middle Eastern Mandates» // Conference «Among Empires: the British Empire in Global Imperial Context». Lignan University, Hong-Kong. 27 May 2015.

¹⁷ Хизриев А.Х. Строительство Суэцкого канала и установление внешнего финансового контроля над Египтом в 50–70-е годы XIX в. Учебное пособие. Махачкала, 2023. С. 19.

¹⁸ Thomas M. «Bedouin Tribes and the Imperial Intelligence Services in Syria, Iraq and Transjordan in the 1920s» // Journal of Contemporary History 38: 4, 2003. Pp. 539–561.

Джон Багот Глабб

Такой подход весьма четко сформулирован Джоном Баготом Глаббом, командовавшим вооруженными силами Трансиордании — Арабским легионом. Глабб инициировал политику вербовки членов кочевых племен в пустынные отряды, чтобы положить конец племенным набегам через границы страны. Несколько племенных шейхов также были интегрированы в зарождающиеся институты эмирата. Глабб был поклонником бедуинов, которых он считал настоящими и подлинными арабами, восхищаясь их образом жизни и обычаями, которые, по его мнению, необходимо было сохранить. Он также был очарован местными правителями стран. В его глазах династия Хашимитов Трансиордании и алавиты в Марокко олицетворяли престижное происхождение, культурную самобытность и форму доброжелательного консерватизма, что можно было объяснить общим ориенталистским и религиозным вдохновением в западном мире той эпохи. Все эти высказывания говорили о том, что колониальный дискурс и практика циркулировали из одной империи в другую, а в рассматриваемом случае — из Северной Африки на Ближний Восток¹⁹.

После Первой мировой войны французы и англичане стремились сохранять свои интересы, при этом осознавая необходимость учитывать принцип самоопределения местных народов. Создавая новые арабские

¹⁹ Glubb J. B. Britain and the Arabs. A study of Fifty years, 1908 to 1958. L.: Hodder & Stoughton, 1959. P. 171–172.

правительства, британцы, казалось, использовали самую умную стратегию, чтобы доказать, что они намерены играть по правилам нового мирового порядка. В целом европейские дипломаты и журналисты более критично относились к французскому правлению в Леванте, чем к косвенному британскому правлению в Ираке и Трансиордании. Это привело к самодовольным рассуждениям британцев о их способности управлять арабским народом по-дружески. Французы, с другой стороны, были убеждены, что британская стратегия поощряла арабский национализм за их счет. Однако, вопреки убеждению французов, единой британской политики в подмандатных территориях не существовало. На самом деле лица, принимающие решения в Лондоне и Париже, были реалистами и не хотели обострения конфликтов не только на Ближнем Востоке, но и во всем мире.

Независимо от этих различий рост арабского национализма в регионе в целом показывает, что ближневосточные общины чувствовали, что они находятся под одним и тем же колониальным гнетом. Более того, небольшое преимущество, которое могли иметь британцы, было уничтожено их политикой в Палестине. Именно для того, чтобы улучшить свой несколько пострадавший авторитет в арабском мире, они вынудили французов предоставить Сирии и Ливану независимость во время Второй мировой войны. На этот раз подозрения французов оправдались, в то время как в 1930-е гг. такие предположения в большинстве случаев казались беспочвенными.

В конечном счете случаи англо-французского соперничества или сотрудничества на Ближнем Востоке в межвоенные годы свидетельствуют о взаимосвязанности этих колониальных империй. Последние следует рассматривать не просто как противопоставленные друг другу политические системы, а скорее как образования, чьи интересы иногда сталкивались, а иногда пересекались. По сути, и британцы, и французы разделяли одну и ту же империалистическую идею, которая в конечном итоге была побеждена местным сопротивлением и происходившими глобальными процессами.

REFERENCES

1. *Cloarec V.* «La France du Levant ou la spécificité impériale française au début du XXe siècle». *Revue française d'histoire d'outre-mer*, tome 83, no. 313, 4e trimestre, 1996. P. 3–32.
2. *Yakoubi M.* The French, the British and their Middle Eastern Mandates (1918–1939): Two Political Strategies // Open Edition Journals. <https://journals.openedition.org/rfcb/8787#bodyftn4>.
3. *Toynbee A.* *The Western Question in Greece and Turkey: A Study in the Contact of Civilisations*. L.: Constable, 1922. P. 45.
4. *Thomas M., Toye R.* *Arguing about Empire, Imperial Rhetoric in Britain and France, 1882–1956*. Oxford, Oxford University Press, 2017. P. 10.
5. The National Archives, United Kingdom. «Report on Middle East Conference». CAB 24/122, March 12th to 30th 1921.
6. U.S. National Archives Records Administration (NARA). Microcopy No 722. Roll 7. Records of the Department of State relating to Internal Affairs in Asia, 1910–1929. British Policy in Arabia. With the Resident of Aden. No 61. P. 1–3.
7. *Магомеддадаев А.М., Дадаев Ю.У., Саидова М.З.* Очерки по истории политической культуры Ближнего и Среднего Востока. Учебное пособие. М., 2011. С. 178.
8. *Роган Ю.* Арабы. История. XVI–XXI вв. М.: Альпина Диджитал, 2009. С. 162.
9. *Уолд Э.Р.* Saudi Inc. М.: Альпина Паблишер, 2021. С. 26.
10. Новейшая история арабских стран Азии. 1917–1985 (отв. ред. В.В. Наумкин). М.: Наука, 1988. С. 160.
11. «Report on Middle East Conference». CAB 24/122, March 12th to 30th 1921. The National Archives, United Kingdom.
12. *Хизриев А.Х.* Проблемы определения статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 г. // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 4. Ист. 2016. № 1 (37). С. 31.
13. *Barr J.* *A Line in the Sand. The Anglo-French Struggle for the Middle East, 1914–1948*. NY: Norton & Company, 2011. P. 142.
14. *Houot C.* «Securing the Empire after the First World War. Local and Imperial Armed Forces in France's and Great-Britain's Middle Eastern

- Mandates» // Conference «Among Empires: the British Empire in Global Imperial Context». Lignan University, Hong-Kong. 27 May 2015.
15. *Хизриев А.Х.* Строительство Суэцкого канала и установление внешнего финансового контроля над Египтом в 50–70-е годы XIX в. Учебное пособие. Махачкала, 2023. С. 19.
16. *Martin T.* «Bedouin Tribes and the Imperial Intelligence Services in Syria, Iraq and Transjordan in the 1920s» // *Journal of Contemporary History* 38: 4, 2003. P. 539–561.
17. *Glubb J.B.* Britain and the Arabs, A study of Fifty years. 1908 to 1958. L.: Hodder & Stoughton, 1959. P. 171–172.

 Хизриев Али Хизриевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения
Дагестанского государственного университета
SPIN-код: 9001-0357
ORCID: 0000-0002-6600-5061

 Базаева Фарида Хизриевна

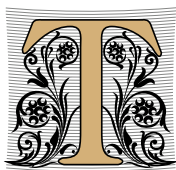
магистрант 2-го курса факультета востоковедения
Дагестанского государственного университета, направление 58.04.01
Востоковедение и африканистика, профиль «Актуальные проблемы
истории стран Азии и Африки»

Ключевые слова:

Франция, Великобритания, Ближний Восток, мандаты, Лига Наций.

Ali Kh. Khizriyev, Farida Kh. Bazayeva

BRITISH VS FRENCH RIVALRY IN THE MIDDLE EAST UNDER THE MANDATE SYSTEM BETWEEN THE TWO WORLD WARS

This article examines the nature of relations between Great Britain and France in the context of the two countries' administration of mandated territories in the Middle East between the two world wars. The unique system of governing former Ottoman provinces under the League of Nations mandate, in which Britain and France played leading roles, remains insufficiently explored by experts on the modern history of Arab regions in Asia. The mandate system undeniably contributed to destabilizing the Middle East, which is still being shaken by ongoing conflicts with both internal and external causes. In view of this, it is of particular interest to not merely compare the policies and strategies employed by both powers to administer their mandated territories, but rather to analyze how the British perceived the French strategy and vice versa. This approach sheds light on Britain's and France's vision of their respective goals and objectives in the region. The article also examines the forms of cooperation and shared interests between the two powers while governing the territories that had emerged after the Ottoman Empire's collapse.

Keywords: France, Britain, Middle East, mandates, League of Nations.

Ali Kh. Khizriyev — C.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Oriental Studies Dagestan State University.

SPIN code: 9001-0357

ORCID: 0000-0002-6600-5061

Farida Kh. Bazayeva — 2nd year Master's student at the Faculty of Oriental Studies Dagestan State University, Specialization: Current Issues of Asian and African History.